

ДЖЕЗЕБЕЛ
МОРГАН

ИДИ
ЧЕРЕЗ
ТЁМНЫЙ
ЛЕС

ДИ
ЛО
ГИЯ

ЧЕРНЫМ
БЕЛО

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М79

Художественное оформление сугилnihil

Дизайн переплета *Кати Петровой*

Морган, Джезебел.
М79 Иди через темный лес : диалогия / Джезебел Морган. —
Москва : Эксмо, 2024. — 672 с. : ил.

ISBN 978-5-04-199698-7

Когда найдешь у сестры соколиные перья, смиришься и не пытайся ее спасти. А когда она исчезнет — шагни в Навь и иди. Иди ей на помощь.

Иди через темный лес.

Но сказка не закончится. Когда сквозь расколотое небо в мир живых потянется Навь. Когда не получится спрятаться в ледяном сне. Когда сестрица посмотрит чужими глазами.

Зови на помощь кошмар — и иди вслед за змеями. Надежда еще есть.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199698-7

© **Морган Дж., текст, 2024**
© **Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024**

ИДИ
ЧЕРЕЗ
ТЕМНЫЙ
ЛЕС

A black and white illustration of a dense forest. The scene is framed by a white rectangular box with a slightly irregular, torn-edge border. Inside the box, the text is centered. The forest background features tall, slender tree trunks, some with detailed bark textures, and various plants and ferns in the foreground and midground. The lighting is soft, creating a sense of depth and atmosphere.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ВСЕМ,
КТО ПОТЕРЯЛСЯ В ТЕМНОМ ЛЕСУ
И ИДЕТ НА СВЕТ.

1

Три соколиных перышка

Утром я нашла на подоконнике три соколиных пера.

На белом пластике они смотрелись совершенно неуместно. Может, в деревенской избе, где под потолком сушатся пахучие травы, либо в охотничьей сторожке, пол которой устлан хвоей, стружкой да сухими листьями, соколиные перья не бросались бы в глаза. Но за тонким стеклом высились унылые многоэтажки и ветер пригибал дым, тянувшийся с ТЭЦ.

Я точно помнила, что, когда я за полночь погасила настольную лампу, подоконник был чист.

Марья, моя младшая сестра, только просыпалась, нежась под одеялом и растягивая последние, самые сладкие пять минут. И когда только успела проташить перья мимо меня?

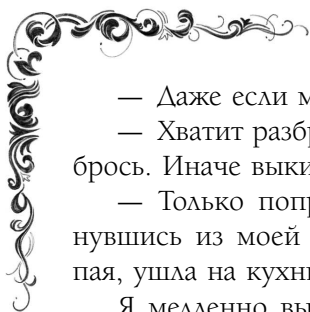
Я тряхнула ее за плечо:

— Эй, вставай!

Не обращая внимания на возмущенное хныканье, я вытащила сестру из-под одеяла и указала на перья:

— Твое? Сколько раз просила, убирай за собой мусор!

Марья сонно нахохлилась, переводя взгляд с подоконника на меня, и огрызнулась:

— Даже если мое, тебе-то какое дело?

— Хватит разбрасывать вещи. Либо убери, либо выбрось. Иначе выкину сама!

— Только попробуй, — прошипела она и, вывернувшись из моей хватки, демонстративно громко топая, ушла на кухню.

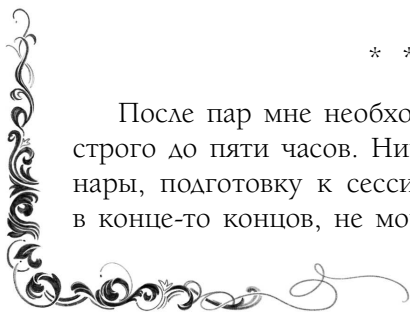
Я медленно выдохнула, унимая раздражение. Обязанности по уборке уже давно повисли на мне камнем, и видеть подобное неуважение к собственному труду... мягко говоря, надоело. В этот раз я решила не потакать капризам Марьи и выбросить перья, даже протянула к ним руку, но что-то меня остановило.

Где Марья могла раздобыть перья дикой птицы? Я ни секунды не сомневалась, что она не ободрала несчастную галку или сороку: раз увидев, перья сокола уже ни с чем не спутаешь. Огромные, серо-черные, они приковывали внимание и не давали отвести от себя взгляд. Откуда им взяться в нашем районе, застроенном домами настолько плотно, что даже сухие листья лишь изредка залетают во двор вместе с порывами пронизывающего ветра? Кто дал их сестре? Спросить бы ее — но не ответит, я для нее не авторитет. А мать... мать уже давно вспоминает о нашем существовании, только когда мы сталкиваемся на кухне.

Пронзительно тренькнул будильник — пора провожать младшую в школу и бежать в университет. Резко, пока не успела передумать, я сгребла перья и, скомкав их и сломав, отнесла в прихожую. Выброшу по дороге на остановку, вместе с остальным мусором.

* * *

После пар мне необходимо было успевать в офис, строго до пяти часов. Никакие объяснения про семинары, подготовку к сессии, пробку в центре города, в конце-то концов, не могли тронуть черствое сердце

моей начальницы. Я подрабатывала вечерним секретарем: разгребала бумажные экскременты дневной жизнедеятельности офиса, сканировала многостраничные договоры, раскладывала документы по папкам. Эти авгиевы конюшни я прибирала до девяти вечера, пока не закрывался бизнес-центр, а потом бежала на остановку, подгоняемая страхом упустить последнюю маршрутку в наш спальный район.

Вот и сегодня я едва на нее успела. Уже в салоне, устроившись у запотевшего окна, проверила пропущенные вызовы на телефоне. Звонили мне редко — контакты с одноклассниками я свела к минимуму, семья обо мне вспоминала, только когда нужно было оплатить коммунальные услуги. Но я всегда отключала звук на время работы, чтобы ничто не отвлекало от сомнамбулического переключивания бумаг.

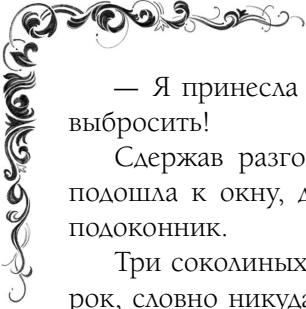
Но сегодня пропущенных было пять, и все от Марьи. Пока шли гудки, я нервно барабанила пальцами по спинке сиденья, даже боясь представить, что могло случиться с сестрой.

Через десять секунд длинные гудки сменились короткими.

Я с раздражением уставилась на погасший экран. Скорее всего, сестра снова психует из-за каких-то пустяков и ничего серьезного не произошло, но все равно всю дорогу до дома я нервно покусывала губы.

Марья валялась на незастеленной кровати, даже не переодевшись после школы. Как только я вошла, она бросила на меня сердитый взгляд и уставилась в книгу, старательно меня игнорируя. Когда уже закончится у нее переходный возраст? Ее выкрутасы с каждым днем все сильнее и сильнее выводили меня из равновесия.

— Ты звонила, — миролюбиво произнесла я, переодеваясь в домашнее. Марья недовольно процедила, даже не удостоив меня взглядом:

— Я принесла новые перья. И только попробуй их выбросить!

Сдержав разгорающееся раздражение, я медленно подошла к окну, до последнего не желая смотреть на подоконник.

Три соколиных пера лежали у самых оконных створок, словно никуда я их и не выбрасывала.

— Марья, — как можно спокойнее сказала я, — пойми, я не против твоих увлечений. Я всего лишь прошу, чтобы ты не разбрасывала свой мусор по всей комнате. Просто убери их.

Сестра даже глаз на меня не скосила и демонстративно перевернула страницу. Я вспылила и вырвала книгу у нее из рук.

— Слушай, избавь меня от своих капризов. Мне приходится учиться и работать, чтобы тебе было что есть и в чем в школу ходить. Я веду хозяйство. Одна, даже о помощи не прошу. Так прислушайся же хоть раз к моей просьбе!

Марья не выдержала и, вскочив, заорала в ответ:

— Вот не надо мне тыкать тем, что ты меня кормишь! Я из-за этого по стеночке ходить не буду только для того, чтоб вашей светлости не мешать! Я тебе не оплаченная прислуга, чтоб все по твоему желанию делать!

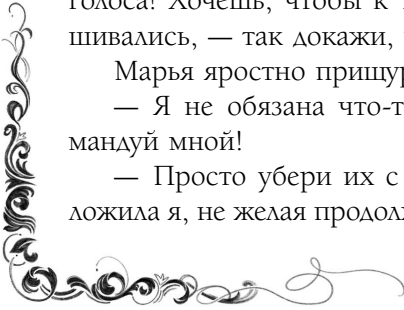
Ее вспышка злости почти отрезвила меня. Я попыталась успокоиться, но накопившееся раздражение рвалось наружу.

— Нет, ты просто иждивенка, не имеющая права голоса! Хочешь, чтобы к твоему мнению тоже прислушались, — так докажи, что заслуживаешь этого.

Марья яростно прищурилась.

— Я не обязана что-то тебе доказывать! И не командуй мной!

— Просто убери их с подоконника, — снова предложила я, не желая продолжения бессмысленного спора.

— Вот еще!

— Тогда я их выкину.

Марья только гаденько улыбнулась.

Я пожала плечами и, прежде чем сестра успела опомниться, распахнула окно и вышвырнула перья в темноту. В комнату ворвался пронизывающий порыв ветра, принесший холод и стылый запах мокрой улицы.

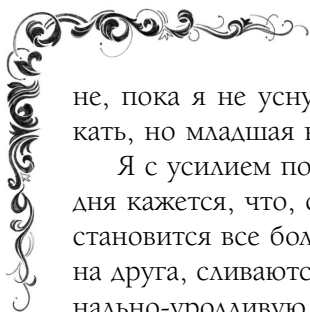
— Сука! — взвывала Марья и в ярости унеслась на кухню.

Я устало прислонилась лбом к холодному стеклу. Десять, девять, восемь... окно запотело от дыхания. Накатила опустошающая усталость, и собственные действия уже не казались мне правильными. Раздражение и на Марью, и на себя ворочалось внутри, неприятно сдавливало нутро.

Сестра игнорировала меня до поздней ночи. Сидела без света на кухне, боясь привлечь внимание матери. Я часто ругала и отчитывала ее, но любя, — мать же могла запросто накинуться с кулаками за включенный на кухне свет в неурочный час.

Хочет обижаться — пусть. Я спокойно досчитала свою лабораторную работу и взялась за работы наших «денежных дубов» — то ли тупых, то ли ленивых одноклассников, готовых платить за то, чтобы кто-то делал задания вместо них. Платили, конечно, мало: клубы и бары — увлечения не из дешевых, но даже такие деньги меня устраивали.

Когда я обессиленно откинулась на спинку стула, на часах уже было два ночи. Количество сделанных работ едва перевалило за половину, и оставшиеся не вызывали ничего, кроме отчаяния пополам с отвращением. Стоило подумать о дальнейшей работе, как сразу же разболелись запястья и кончики пальцев. Конечно, можно было бы пожертвовать сном и доделать все сегодня, но Марья, эта упрямая дурында, так и будет сидеть на кух-

не, пока я не усну! Мне-то к такому ритму не привыкать, но младшая не выдержит и свалится в школе.

Я с усилием помассировала уставшие глаза. В конце дня кажется, что, сколько бы проблем я ни решила, их становится все больше и больше, они громоздятся друг на друга, сливаются в одну, отвратительную и иррационально-уродливую, неподъемную, как сизифов камень. В такие ночи я сижу над чужими курсовыми до рассвета или лихорадочно ищу варианты новой подработки. Перед глазами стоит бесконечный список моих «должна»: должна платить за квартиру, лечить мать, поддерживать сестру, оплатить ей университет, кормить ее, заботиться о ней...

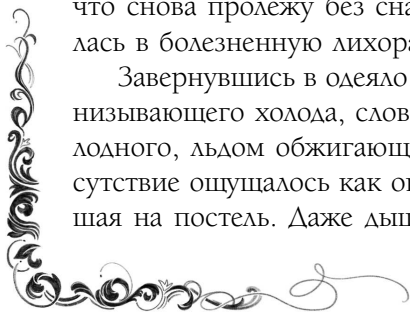
И ничего не должна — себе.

14

Я заставила себя педантично навести абсолютный порядок на столе, прежде чем потушить свет настольной лампы и лечь в кровать. Через несколько минут слышались медленные осторожные шаги — сестра крадучись возвращалась в комнату. Замерла над моей кроватью, словно едва удерживаясь от плевка в лицо, быстро переделалась и закопалась под одеяло.

Даже дневные обиды не могли нарушить ее сон. Я лежала с закрытыми глазами и слушала дыхание сестры, шорохи и скрипы спящего дома, приглушенный шум улицы. Мрачные мысли теснились в голове, заставляя раз за разом переживать ссору, искать новые аргументы, по-другому строить диалог, до бесконечности спорить с воображаемой Марьей. Но стоило решить, что снова пролежу без сна до рассвета, как я провалилась в болезненную лихорадочную дрему.

Завернувшись в одеяло, я все равно тряслась от пронизывающего холода, словно пытаюсь спрятаться от голодного, льдом обжигающего взгляда. Чье-то злое присутствие ощущалось как огромная угловатая тень, упавшая на постель. Даже дышать было страшно, быстрый

стук сердца казался оглушительно громким. Дрема верно переходила в глубокий кошмар, и я усилием воли заставила себя проснуться.

Рывком сев на кровати, я отдышалась и утерла испарину со лба. Комнату освещали только электронные часы — 3:19. Меня еще потряхивало от озноба, хотя было душно, пижама впитала пот и неприятно липла к телу. Расставшись с надеждой выспаться, я покосилась на кровать Марьи — она спала, раскинувшись звездой, и одеяло почти сползло с нее на пол. «Замерзнет», — промелькнула в сонном сознании мысль, и я, верная своему долгу, встала ее укрыть.

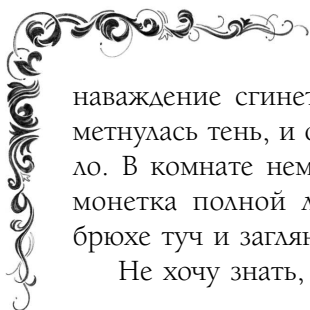
Уже разглаживая складки на одеяле, я услышала тихое постукивание, будто узловатая ветка, как усохший палец ведьмы, требовательно барабанит по стеклу. Оборачиваться не хотелось. Ну какие ветки, до ближайшего дерева пятнадцать минут быстрым шагом!

Не поднимая глаз, я быстро нырнула под одеяло, чувствуя подступающий липкий страх. Стараясь себя убедить, что это всего лишь продолжение сна, уставилась в стену. Здравый смысл подсказывал, что стоит взглянуть в окно, убедиться, что нет там ничего, но никакая сила сейчас не заставила бы меня к нему повернуться.

В этом болезненно напряженном состоянии каждый звук, каждый шорох звучал громче и отчетливее. Стук сменился вьедливым шелестом, словно огромная птица расправляла крылья. Кляцнуди по внешнему подоконнику когти. Снова раздался стук — нарастающий, требовательный.

Марья вздохнула во сне и заворочалась. Одеяло вновь начало сползать на пол.

Я и не думала поворачиваться к окну. Тех нервов, что у меня остались, не хватит, чтобы смотреть в глаза своим ночным кошмарам. Я вжималась в подушку, до побелевших костяшек хватаясь за одеяло, ждала, когда

наваждение сгинет, и наконец дождалась — за окном метнулась тень, и ощущение изучающего взгляда исчезло. В комнате немного посветлело, словно серебряная монетка полной луны вынырнула сквозь прореху на брюхе туч и заглянула в наше окно.

Не хочу знать, что это было. Просто не хочу знать.

* * *

Утром на подоконнике снова лежали перья. Точь-в-точь такие же, как и вчера, словно никто их и не выбрасывал. Могу поклясться, что они лежали даже на том же месте, будто бы к ним и не прикасались со вчерашнего утра. Я заставила себя не думать, откуда они взялись.

16

Марья убежала в школу молча, едва успев проглотить бутерброд на завтрак. Я же все еще сидела в комнате и, не отрывая взгляда, смотрела на перья. С ними что-то было не так... слишком «не так» даже для перьев, появляющихся за запертым окном.

Тренькнул последний будильник, напоминающий, что еще чуть-чуть, и я вообще никуда не успею. Стараясь не поворачиваться к окну спиной, я подхватила сумку и вышла из комнаты, плотно закрыв дверь.

Только на улице, ежась под порывами промозглого ветра, я запоздало поняла, что же меня так нервировало.

Запах.

От перьев едва уловимо тянуло сладковатым запахом мертвечины.

2

Мертвая птица

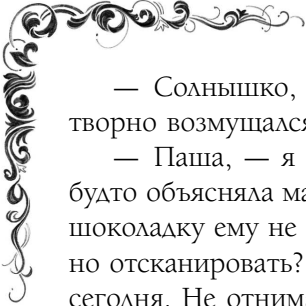
Весь день на периферии зрения мерещились огромные птицы, но стоило резко повернуться — и они пропадали. Естественно, сосредоточиться хоть на чем-то, кроме ночных страхов, не удавалось. В перерыве между лекциями я выпила две чашки кофе и попыталась внушить себе, что во всем виноваты усталость и мнительность.

Не помогло.

По дороге на работу меня то и дело накрывала тень проносющейся в вышине птицы. Раньше я не обратила бы на это внимания: ну мало ли в центре города голубей и ворон, ну летят себе и летят — главное, чтоб сверху не гадили! Сейчас же я вздрагивала от любого крылатого силуэта.

Нужно попить валерьянки. Определенно.

Обычно я радовалась, когда кто-то из работников задерживался в офисе: было неуютно оставаться одной в пустом помещении, слушая тихое потрескивание ламп. Но сегодня мне хотелось покоя, хотелось спрятаться за банальными и привычными стопками документов и забыть обо всех кошмарах. И я едва сдерживала нетерпение, выпроваживая сисадмина, вдруг решившего задержаться.

— Солнышко, неужели ты так мне не рада? — приторно возмущался Паша, весело скаля зубы.

— Паша, — я говорила медленно и спокойно, как будто объясняла маленькому и капризному ребенку, что шоколадку ему не купят. — Ты видел, сколько мне нужно отсканировать? Между прочим, это не вся работа на сегодня. Не отнимай мое время, пожалуйста.

— О, как жестоко твое сердце, раз ты лишаешь меня единственной радости — любоваться твоим прекрасным и суровым ликом!

— Социальные сети и фотографии к твоим услугам. Любишься сколько влезет.

Я решила игнорировать настырного коллегу и начала демонстративно сканировать многостраничный договор. Натужно загудел сканер.

18

— Неужели ты даже откажешь в свидании скромному рыцарю сервера и клавиатуры, который благородно скрывает от злой и страшной Крейсерши, что вместо работы ты в интернете сидишь? — коварно прищурившись, поинтересовался Паша, нависая над моим столом.

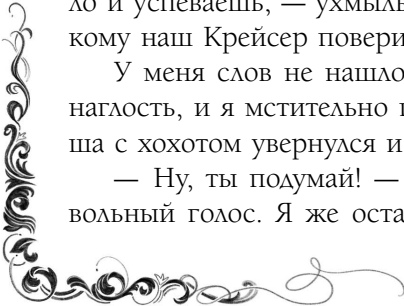
Я недоуменно уставилась на него поверх монитора. Крейсершей «нежно» и за глаза называли недавно назначенную главу отдела — она отличалась необъятными размерами и мерзейшим характером.

— О чем ты? Я здесь интернетом не пользуюсь — времени нет.

— А если я скажу, что пользуешься? Потому так мало и успеваешь, — ухмыльнулся Паша. — Как думаешь, кому наш Крейсер поверит?

У меня слов не нашлось, чтобы ответить на такую наглость, и я мстительно швырнула в него ручкой. Паша с хохотом увернулся и шмыгнул за дверь.

— Ну, ты подумай! — донесся из коридора его довольный голос. Я же осталась в некотором ошеломле-

нии переваривать его заявление, машинально сканируя документы, страница за страницей.

Угроза была не такой уж и пустяковой. Крейсерша, казалось, ненавидела всех людей поголовно, особенно своих молодых коллег. Девочка-секретарь, работающая в первой половине дня, уже сбежала от такой начальницы-самодурки. Мне бежать было некуда, приходилось сжимать зубы и улыбаться, идеально выполняя работу, чтобы придрататься было не к чему.

Пашу же Крейсерша, наоборот, выделяла, с его-то разрядом мастера спорта по подлизыванию. Если он начнет стучать, начальница даже доказательств не потребует: «Ой, Пашенька, я же все равно ничего не смыслю в этой вашей навороченной технике!»

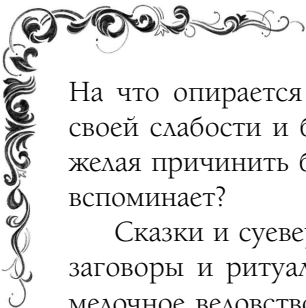
От мрачных мыслей я отвлеклась, только заметив, что сканирую договор по второму кругу. Выругавшись сквозь зубы, я придвинула к себе пачку счетов-фактур.

19

С каждой минутой все сильнее разгорались гнев и обида — нервное напряжение, сковавшее меня с утра, наконец нашло выход. Цифры мелькали и расплывались перед глазами, я машинально вбивала данные о поставках, жалея себя и лелея злость на Пашу. В конце концов меня начало потряхивать от едва сдерживаемой ярости, словно Крейсерша уже устроила мне разнос и отправила искать другую работу.

С отвращением оттолкнув от себя последний бланк, я ринулась в интернет, уверенная, что терять уже нечего. Я всего лишь хотела обновить резюме и уже сейчас подыскать себе новое место, но детская, беспомощная обида и желание поквитаться заставили вбить в поисковую строку другие слова.

Я ничего не могла сделать Паше, я никак не могла защититься от клеветы и шантажа — но болезненное чувство справедливости требовало сделать хоть что-то.

На что опирается женщина, понимающая всю бездну своей слабости и незащищенности? На что она надеется, желая причинить боль тому, кто вне досягаемости? Что вспоминает?

Сказки и суеверия, сплетни о приворотах и порчах, заговоры и ритуалы. Иногда мне кажется, что подлое мелочное ведовство у каждой женщины в крови.

Заговор на богатство, приворот, отсушка, порча... Я мельком просматривала страницы в браузере и сразу удаляла их из истории, не желая облегчать Паше работу. То ли интуиция, то ли здравый смысл подсказывали — это все не то: фальшь и наигранность ощущались в каждом слове. Я уже успела успокоиться и обозвать себя круглой дурой, когда наткнулась на небольшую статейку о магических свойствах бытовых предметов. Круги из соли, двенадцать ножей для превращения в волка, иглы, используемые и для проклятий, и для защиты от них, — все это было настолько похоже на сказки, что вызывало раздражение и тоску по детству одновременно.

20

Я устало спрятала лицо в ладони. Вспышка злости прошла, и теперь мое желание проклясть Пашу казалось настолько глупым, что у меня щеки начали гореть от стыда. С усилием проведя по векам, я заставила себя успокоиться и завершить работу. И так потратила слишком много времени на какую-то чушь.

Ровно в девять вечера я вышла из здания бизнес-центра, но маршрутки на остановке не было. Первые пять минут я верила, что она опаздывает, через десять заподозрила, что она уже уехала, а через двадцать — была свято уверена в этом. Сегодня словно все обернулось против меня! На глаза снова навернулись слезы, а ладони похолодели от бессильной злобы. И что мне делать? Разве что бежать к проспекту, надеясь поймать хоть какую-то маршрутку в мой район.

